

УДК 101.1:316

**КОММУНИКАЦИЯ И ОДИНОЧЕСТВО:
ОПЫТ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

© 2014 г.

А.Н. Фортунатов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

anfort@mail.ru

Поступила в редакцию 27.09.2013

Коммуникация трактуется как система ограничений для личности. Человек вынужден подчиняться диктату коммуникативных систем. Возникает феномен «коллективного одиночества».

Ключевые слова: коммуникация, одиночество, медиареальность, информация, Ницше, Пушкин.

Не коммуницируешь – значит не существуешь. Императив современного информационно-потребительского общества безусловен и безапелляционен. Коммуникация породила определенную среду, формирующую не только тип отношений, но и тип человека. Ее иногда называют «медиареальность», или «пространство коммуникации». Необходимость присутствия в медиaprостранстве для любого субъекта социальных отношений есть важнейшее условие жизнеспособности в современном мире.

Может быть, поэтому в коммуникации всегда есть определенная мистическая компонента – нечто, находящееся за пределами человеческого понимания. «Не дай мне бог сойти с ума», – знаменитый пушкинский вопль в Болдино – это, говоря сегодняшним языком, коммуникация со сверхъестественным, с высшим разумом, поскольку поэт в холерном карантине был предоставлен сам себе, замкнут на самого себя. Выход за пределы собственного бытия – это и есть коммуникативная необходимость, превращенная в обыденность, в привычку, в ежедневное чудо, без которого человеку жить невозможно. «Сойти с ума» означало заведомую коммуникативную смерть, невозможность налаживания отношений с другими людьми; и Пушкину, в его болдинском одиночестве, это виделось вполне явственно.

Здесь существует множество психологических объяснений этого состояния – и умножение собственного Я, и познание Другого и т.п. Но сойти с ума – это значит выпасть из привычной системы коммуникации, системы отношений, расставляющих все точки над і.

Действительно, лучше «посох и сума», говорит поэт, чем сумасшествие, ведь в противном случае –

«Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,

Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут» [1, с. 230].

Отсутствие коммуникативных регламентаций приводит к различным нарушениям этики, к опрокидыванию социальных норм. Так, например, сегодня пристальный интерес исследователей вызывают формы коммуникативных нарушений в социальных сетях. Люди, мило общающиеся друг с другом непосредственно, лицом к лицу, превращаются в махровых хамов, грубиянов, желчных и фрустрированных, изливающих злобу и гнев в отношении окружающего мира. И все лишь потому, что у них отсутствует непосредственный партнер по коммуникации, а следовательно, они лишены материализованных границ и норм своего взаимодействия с обществом. Их «замкнутость на себя», их коммуникативное одиночество лишь усугубляются наличием рационально осознаваемых, однако чувственно не воспринимаемых субъектов информационного взаимодействия.

Отсутствие партнера по коммуникации особенно ярко показывает, что коммуникация, как освоение чужого пространства, есть воплощение Власти, реализация отношений подчинения. Говоря короче, коммуникация – это властные интенции, и сама коммуникация, ее пространство, есть безусловная и априорная власть по отношению к человеку. Действительно, человек невольно подчиняется коммуникации, он принимает установленные (навязанные, предписанные, регламентированные) правила игры, он не создает коммуникацию, а включается в нее – так же, как ребенок, потом подросток, а затем молодой человек становятся постепенно «социализированными», то есть освоившими определенное количество нюансов коммуникативного взаимодействия.

«Нравственности предшествует принуждение», – писал Ницше, – «и даже она сама еще некоторое время есть принуждение, которому подчиняются во избежание страданий. Позднее она становится обычаем, еще позднее – свободным повиновением и, наконец, почти инстинктом; тогда она, как все издавна привычное и естественное, связана с удовольствием – и называется добродетелью» [2, с. 93]. Теперь давайте подставим вместо слова «нравственность» слово «коммуникация» – и получим современную этическую картину мира. Коммуникация давно подменила собою нравственность, поскольку именно через коммуникацию привычная нравственность заявляла о себе, декларировала свои принципы, постепенно передавая посредникам, медиумам, средствам коммуникации право вещать, другими словами, воплощать, осваивать, наделять смыслами собственные императивы.

Студенческие революции 60-х годов ознаменовались вызовом к существующим канонам коммуникативной власти. Этот вызов, впрочем, оказался по-ницшеански обращенным к самому человеку, поставив перед ним нелегитимный вопрос: а что ты сам представляешь собой без этой коммуникативной оболочки, без этой власти, где твоя личная ценность? И в этом есть диалектическая сущность любого вопроса, однако в коммуникативном контексте обратный эффект вопрошания особенно силен, особенно явно воспринимается. Неслучайно коммуникативным артефактом того времени служат многозначительные надписи на баррикадах в Париже. Кто-то сначала написал: «Бог умер». Вслед за тем, совершенно не ведая того, что подчиняется законам власти, какой-то начитанный студент-философ написал: «Ницше умер». И напоследок отчаянный нонконформист, для которого вопрос собственного бытия вне коммуникативной власти, видимо, стоял особенно остро, дописал: «И я что-то неважно себя чувствую» [3, с. 72].

Медиальное состояние современной коммуникации, когда мы друг с другом начинаем разговаривать даже не в контексте межличностного взаимодействия, а с использованием уже навязанных нам стереотипов и штампов из рекламного дискурса, – это состояние безусловной власти над сознанием человека. Это эмансипация власти и грозный вызов индивидуальному сознанию: а способен ли ты теперь, когда создана столь прочная и безусловная оболочка твоего социального бытия, наполнить «полый сосуд» собственного сознания уникальными, яркими и неповторимыми смыслами?

К медиальному статусу индивида подталкивает и вся нынешняя разветвленная система медиагаджетов. Сегодня практически любое состояние человека, от физиологического до высокодуховного, сопряжено с необходимостью использования технических средств усиления воспринимающих/передающих свойств личности, то есть в конечном итоге сводится к коммуникации.

Рекурсивный поток коммуникативных технологий вовлекает в себя все новые поколения, оставляя на обочине ускоряющегося мейнстрима взрослых и пожилых, уныло и одиноко взвизгивающих на стремительно проносящиеся перед их глазами образы некогда живых, некогда разумных, некогда любивших и сопереживавших людей. Отношения власти не могут не подразумевать дифференциацию, разделение общества – на богатых и бедных, на сильных и слабых, а теперь на коммуницирующих и оставленных за пределами коммуникативного бытия. «Аналоговая» (линейная) этика, культура, даже социальность – все остается в прошлом. На смену приходит сетевая этика; вместо литературы – селтература; музыка для того, чтобы прозвучать, прежде должна быть скачана с торрентов и сохранена в определенных форматах, обусловленных гаджетами; вместо социального взаимодействия возникают причудливые флешмобы. Другими словами, вся социальная инфраструктура перестраивается под формат обеспечения коммуникативного одиночества индивида.

Современный медийный поток оставляет за границами своего внимания громадные социальные группы. Кроме пожилых, это еще и дети, и инвалиды, и просто больные, а еще – многодетные семьи и даже люди реального труда. Центр внимания коммерческих СМИ (а они составляют подавляющее большинство медиа) сосредоточен на «успешных», то есть, говоря честно, на платежеспособных (прежде всего – на женщинах 25–45 лет и на мужчинах, которые немного старше своих спутниц).

Привычная картина нынешней российской социальности – престарелый ветеран, ежедневно с трудом пробирающийся к почтовому ящику для того, чтобы вынуть из него очередную бесплатную рекламную газетку, наполняющую его мир химерами кошмаров, секса и оккультных видений. На так называемую «качественную прессу» у него попросту нет денег, а денег у него нет потому, что государство не может уделять ему должного внимания, так как ветеран – это аутсайдер медийных процессов, он словно бы и не живет. И вот, совершенно в соответствии с пушкинским пророчеством, – «и

сквозь решетку, как зверька», дразнят и унижают этого человека. Божена Рынска, Ксения Собчак и множество других медийных персонажей, нет-нет да и пройдутся по униженным и оскорбленным своим очередным ироничным блогом, который потом с удовольствием и даже сладострастием будут обсуждать соответствующие медийные каналы всей страны.

Одиночество становится самоценным в бушующем вихре «информационного мусора» (Г. Шиллер), поскольку уравнивает собой две противоположности: «традиционные ценности» и нищезанскую тягу человека к трансцендентному, которую слишком охотно и чересчур повсеместно эксплуатируют и, следовательно, уничтожают медиатеchnологи. Одиночка, фрикер, экзотический персонаж – это искаженное отражение изначальной самоценности человека. Миллионы просмотров в социальных сетях получают «Света из Иваново», постепенно ставшая «молодежным лицом» партии «Единая Россия», или «Рома Желудь», приглашенный в «реальную» шоу-программу в качестве соведущего у «раскрученного» конференсье И. Ургант. Популярность этих людей обеспечена их виртуальностью. Выходя из цифровых лабиринтов в буквальном смысле на Свет Божий, они мгновенно теряют в своем обаянии, поскольку начинают конкурировать с «молчаливым большинством».

Бодрийаровская ирония по поводу этого «большинства», импозитивного и глухо сопротивляющегося всему новому, сегодня начинает выглядеть особенно циничной и поверхностной в свете недавних законодательных актов во Франции, позволивших сексуальным меньшинствам заключать однополые браки и заставивших выйти на протестные демонстрации сотни тысяч обыкновенных людей, оскорбленных этим апофеозом постмодерна. Высшее проявление этого одиночества – самоубийство интеллектуала в центре Парижа в знак протеста против бурного апофеоза античеловечности, превратившейся в коммуникативную норму. Высокомерное презрение к молчаливому большинству, ставшее этической максимой постмодерна, ставит все тот же вопрос, что и на парижских баррикадах полувековой давности: а есть ли вообще смысл у коммуникативных отношений, насколько они необходимы человеку?

Когда меньшинство начинает диктовать собственные правила большинству, возникает особая форма коллективного одиночества. Коммуникативные средства, то есть медиа, выступают здесь как катализатор неравенства. Но вот парадокс: они же, сепарируя социаль-

ность на «медийную» и «реальную», превращают агрессивное меньшинство в колосса на глиняных ногах, разрушая его изнутри. Потому что медиа – это всегда соблазн, это всегда коммуникация будущего, вернее, коммуникация *о будущем*, отталкивающаяся от привычного настоящего. «Привычным настоящим» сегодня, как это ни парадоксально, становится тоталитаризм меньшинств и фриков. Человек, с его нищезанской тягой к трансцендентному, снова ищет путь к духовному наполнению собственного бытия.

Здесь опять приходят на ум строки немецкого философа: «и сколько живности мне еще *нужно*, чтобы я мог каждый раз снова позволять себе роскошь *моей правдивости?*» [2, с. 6 – курсив наш] – ведь обыденная жизнь, пишет Ницше, «*ищет* заблуждения, она *живет* заблуждением» [2, с. 6]. Изображать свое согласие с античеловеческой коммуникативной системой не так уж и сложно. Это одно из немногих правил общесоциальной игры. «Озноб и тревоги одиночества, на которые осуждает всякая безусловная *отличность взора*» [2, с. 5], – сегодня это становится единственно возможным, воспаленным осознанием правды, идеи возвращения бытия к его изначальному, человеческому принципу. «От тебя зависит, чтобы все, что ты переживаешь, – твои искания, ложные пути, ошибки, разочарования, страсти, твоя любовь и твоя надежда – без остатка растворились в твоей цели. Эта цель состоит в том, чтобы самому стать необходимой цепью звеньев культуры и исходя из этой необходимости прийти к выводу о необходимости движения всеобщей культуры» [2, с. 244].

Социальная коммуникация, разрушающая себя изнутри, как мы сказали, одним из главных выдвигает сегодня следующий вопрос: а что есть вообще коммуникация? Где ее истинная суть? Чем отличается и отличается ли вообще политическая коммуникация от художественной, где правда, а где вымысел, чему верить и чего опасаться? Научная коммуникация тоже подвержена этим вопросам; однако, на наш взгляд, именно она есть тот живительный и давно искомый источник нравственности и психологической стабильности, которая уже напрочь утрачена в фундаменте социального бытия. Во многом, очевидно, это связано с другим пониманием власти, при котором социальная власть, власть личности подменяется властью знания, властью истины. Однако главное здесь – совершенно иной аксиологический вектор коммуникативного одиночества: только будучи *обособленным*, ты являешься коммуника-

тивным центром, только в состоянии «воспаленности взора» имеешь интеллектуальное значение, только, наконец, в качестве ученого ты выглядишь как «соблазн будущего». Коммуникативная реальность, являвшаяся производной от бурного всплеска медиатехнологий [4, с. 135], всегда оценивала ученого снисходительно, с позиций высокомерного и бездумного большинства. Наступает предел этой безответственности. Одиночество – не худшее состояние человеческой души, и об этом размышляли лучшие умы человечества на протяжении всей его истории. Но именно сегодня оно становится коммуникативно значимым для всего общества и перспективным для развития крупных социальных групп.

Список литературы

1. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Т. II. М.: Правда, 1981. 416 с.
2. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 384 с.
3. Fortunatov A. Russlanddeutsche zwischen Kollektivismus und Individualismus // Hier die Russen, dort die Deutschen. Über die Integrationsprobleme russlanddeutscher Jugendlicher 250 Jahre nach dem Einladungsmanifest von Katharina II. Michael C. Hermann, Rainer Öhlschläger [Hrsg.] Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 2013. S. 71–77.
4. Фортунатов А.Н. Медиapedagogika или техновоспитание? // Философия и общество. Philosophy and society. Научно-теоретический журнал. 2011. № 3 (63). С. 135–154.

COMMUNICATION AND LONELINESS: A DIALECTICAL ANALYSIS

A.N. Fortunatov

Communication is interpreted as a system of constraints on the personality. Man has to obey the dictates of communication systems. The phenomenon of "collective loneliness" emerges.

Keywords: communication, loneliness, media reality, information, Nietzsche, Pushkin.

References

1. Pushkin A.S. Sobr. soch. v 10 tt. T. II. M.: Pravda, 1981. 416 s.
2. Nicshe F. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe: Kniga dlja svobodnyh umov. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012. 384 s.
3. Fortunatov A. Russlanddeutsche zwischen Kollektivismus und Individualismus // Hier die Russen, dort die Deutschen. Über die Integrationsprobleme russlanddeutscher Jugendlicher 250 Jahre nach dem Einladungsmanifest von Katharina II. Michael C. Hermann, Rainer Öhlschläger [Hrsg.] Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 2013. S. 71–77.
4. Fortunatov A.N. Mediapedagogika ili tehnovospitanie? // Filosofija i obshhestvo. Philosophy and society. Nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2011. № 3 (63). S. 135–154.